

A close-up portrait of actor Brian Cranston. He is wearing glasses and has a mustache. The background is dark. The text is overlaid on the left side of the image.

БРАЙАН
КРЭНСТОН

ЖИЗНЬ В РОЛЯХ

Мемуары звезды сериала «*Во все тяжкие*»

Брайан Крэнстон

Жизнь в ролях

Серия «В жизни и на экране»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/24545007>

Жизнь в ролях / Брайан Крэнстон: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101552-7

Аннотация

В этих искренних, забавных, остроумных и блестяще написанных мемуарах Брайан Крэнстон вспоминает свою непростую судьбу, где ему довелось сыграть множество «ролей»: разносчика газет, охранника, маляра, священника, подозреваемого в убийстве, любовника, мужа и, наконец, отца. И конечно же, актер расскажет, где он черпал вдохновение для создания образа легендарного Уолтера Уайта. «Жизнь в ролях» – это история карьеры, полной взлетов и падений, история человека, прошедшего долгий путь от маленького мальчика, брошенного отцом, до кинозвезды, история, в которой он не скрывает ничего и рассказывает о себе читателю с предельной честностью.

Содержание

Уолтер Уайт	5
Сын	11
Фрэнк Джеймс, человек вне закона	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Брайан Крэнстон

Жизнь в ролях

Bryan Cranston

A life in parts

© Ribit Productions, Inc, 2016

© Перевод. А. Загорский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Кайлу и Эми: мы сумели сделать свою жизнь
достойной.*

*Робин и Тейлор: благодаря вам мне есть ради чего
жить.*

*Мир – театр;
В нем женщины, мужчины, все – актеры;
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет в пьесе...¹*

Уильям Шекспир. Как вам это понравится

¹ Перевод П. Вейнберга.

Уолтер Уайт

Она перестала кашлять. Кажется, она снова уснула. Затем внезапно ее рот наполнился рвотой. Задышавшись, она вцепилась пальцами в простыни. Я инстинктивно протянул к ней руки, чтобы ее перевернуть.

Но тут же одернул сам себя.

С какой стати я должен был ее спасти? Ведь эта маленькая дрянь, эта наркоманка Джейн, пыталась меня шантажировать, обещала выдать полиции и тем самым уничтожить все, ради чего я столько работал. Лишить меня источника денег, которые я пытался оставить моей семье, – а ведь это было единственное, что я мог оставить своим близким.

В горле у нее забулькало – она отчаянно боролась за глоток воздуха. Глаза Джейн закатились под лоб. Я почувствовал укол вины. Черт возьми, сказал я себе, ведь она всего лишь глупая девчонка. *Сделай же что-нибудь.*

Но если я вмешаюсь сейчас, не будет ли это просто отсрочкой неизбежного? Разве не все они рано или поздно погибают вот так? Рядом с Джейн неподвижно лежал в коматозном состоянии мой партнер Джесси. А ведь именно она втянула его во все это дерьмо. Если я сейчас вмешаюсь и выступлю в роли всевышнего, протягивающего руку помощи, Джейн убьет и себя, и Джесси, она убьет нас всех.

И я приказал себе: не впутывайся в это. Когда Джесси

проснется, пусть он один увидит и осознает, что произошло. Да, это, конечно, печально. Любая смерть – это печально. Но со временем он справится с этим. Он переживет это, как и все плохое, что происходило с нами раньше. Так уж люди устроены. Наши раны затягиваются, и мы продолжаем жить дальше. Пройдет несколько месяцев, и он перестанет вспоминать об этой девице. Найдет себе другую, и все с ним будет в порядке. И правильно. Нам всем нужно двигаться дальше.

Я просто сделаю вид, что меня здесь не было.

Но я ведь здесь. И она все-таки человек.

О, господи. В кого я превратился?

Мне вдруг показалось, что я смотрю не на Джейн, не на подружку Джесси, и даже не на актрису Кристен Риттер. Передо мной была Тейлор, моя дочь. Я больше не был Уолтером Уайтом. Я стал Брайаном Крэнстоном. И у меня на глазах умирала моя дочь.

Я безумно полюбил ее с того самого момента, когда она родилась в 1993 году – немного раньше срока. Как только я увидел комочек живой плоти весом чуть меньше семи фунтов, я ощутил непередаваемую, всепоглощающую любовь к этому крохотному существу. С тех пор я ни разу не позволял себе даже помыслить о том, что когда-нибудь ее потеряю. А теперь я ясно и отчетливо видел, как она умирает. Уходит от меня.

Никакого плана у меня не было. Когда я готовлюсь к подобным непростым сценам, я никогда ничего не рассчиты-

ваю заранее. В процессе подготовки я просто пытаюсь представить, какие эмоции я могу испытать. Делю сцены на фрагменты. Но при этом всегда оставляю для себя возможность действовать спонтанно, внимательно прислушиваюсь к собственным ощущениям.

Подготовка ничего не гарантирует. Но, если повезет, она может помочь сыграть сцену по-настоящему естественно.

Меня в самом деле охватило неподдельное чувство страха – такого, которого я не ждал и который не мог даже контролировать. И это было зафиксировано камерой. Я с трудом дышу, ладонь тянется ко рту, в глазах стоит настоящий ужас.

Когда режиссер Колин Бакси скомандовал «Снято!», я плакал. Рыдания сотрясали мое тело. Потом я объяснил людям на съемочной площадке, что произошло, что я увидел. Наш оператор Майкл Словис обнял меня. Другие члены съемочной группы сделали то же самое. В особенности я помню объятия Анны Ганн, игравшей мою жену Скайлер. Мы сжимали друг друга добрых пять минут. Бедная Анна.

Она прекрасно понимала меня. Ей, актрисе эмоционально очень чуткой, после съемок трудных сцен зачастую было нелегко отрешиться от переживаний, выпавших на долю ее героини.

Подобные ситуации случаются в жизни актера. В тот раз это произошло со мной. Сцена, которую я описал, была самой мучительной для меня во время съемок сериала «Во все тяжкие», да и, пожалуй, за всю мою актерскую карьеру.

Кому-то это может показаться странным и даже отвратительным – стоять в комнате, где полно людей, камер, осветительных приборов, и делать вид, что ты преспокойно позволяешь девушке захлебнуться рвотными массами. Да еще представлять себе при этом лицо собственной дочери. И, мало того, называть это своей работой.

Но для меня это вовсе не странно. Актеры – своего рода рассказчики, выдумщики. А быть рассказчиком – это настоящее искусство.

Я не хочу, чтобы мои слова об актерской профессии звучали напыщенно. Совсем не хочу. Наша работа – это дисциплина, бесконечное повторение одного и того же, поражения, упорство, слепая удача, безграничная вера в себя и самоотдача. Часто что-то начинает получаться как раз тогда, когда у вас пропадает всякое желание продолжать, когда вы измотаны и вам кажется, что вы просто не в силах идти дальше. Переломные моменты, как правило, наступают, когда самое трудное уже позади, когда вы уже заложили фундамент успеха. Но, пожалуй, то же самое можно сказать о любой работе.

Во время съемок «Во все тяжкие» я каждый день вставал в 5:30 утра, словно автомат, варил себе кофе, принимал душ, одевался. Бывали дни, когда я чувствовал себя настолько уставшим, что не мог толком сказать, утро на дворе или вечер, пришел я со съемок или только отправляюсь на них.

Сев в машину, я проезжал девять миль от моего кондоми-

ниума в Ноб-Хилл до «Кью студияс», которая находилась в пяти милях от аэропорта Альбукерке. К 6:30 я уже сидел на стуле в гримерной. Мне заново брили голову. Собственно, гримировали меня недолго. К 7:00 все собирались на съёмочной площадке и начинали репетировать.

Съёмочный день продолжался двенадцать часов, плюс час на обед – итого тринадцать. Меньше получалось крайне редко. А вот больше бывало частенько. Иногда мы работали по семнадцать часов. Многое зависело от того, где проходили съёмки – в студии или на натуре.

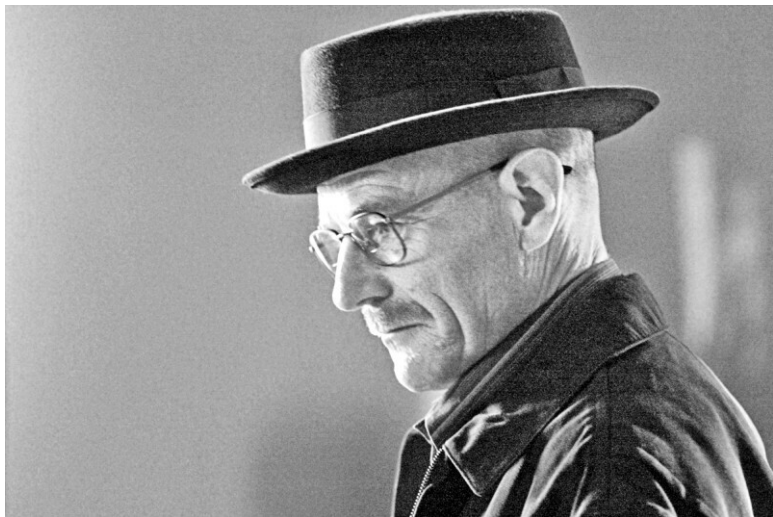
Если день был относительно коротким, мы обычно заканчивали в 20:00. Я хватал сэндвич и яблоко – мне не хотелось задерживаться ни на минуту. Из машины я звонил жене Робин. *Как ты, дорогая? Да, у меня был нелегкий день.* Я разговаривал с супругой, спрашивал, как дела у Тейлор. Когда я входил в дом, мы все еще беседовали по телефону. Через некоторое время, пожелав жене спокойной ночи, я съедал привезенный с собой сэндвич, одновременно просматривая расписание съёмок, чтобы понять, что мы будем делать завтра. Затем принимал горячую ванну, выпивал небольшой бокал красного вина и падал в постель.

Но каждый вечер, прежде чем отправиться домой, я шел в гримерку и брал два специально приготовленных для меня полотенца, пропитанных горячей водой. Одно я клал себе на голову, другим оборачивал лицо. После этого я садился на стул и ждал, пока полотенца полностью остынут и впитают в

себя все токсины Уолтера Уайта.

В тот день, когда я увидел, как умирает Джейн, и представил на ее месте Тейлор, я зашел так далеко, как не заходил никогда прежде. После этого, сидя на стуле с мокрыми полотенцами на макушке и на лице, я долго размышлял, глядя на люстру. Я вложил все, *все* в эту сцену. В ней я был смертельно опасным и в то же время способным на всепоглощающую любовь. Жертвой обстоятельств и страшной угрозой. Я был Уолтером Уайтом.

Но в то же время я никогда раньше не был так похож на самого себя.

СЫН

Мои родители познакомились так же, как и многие другие – на уроках актерского мастерства в Голливуде.

Мою мать звали Аннализа Дорти Селл, но все всегда называли ее Пегги. Она была довольно импульсивной, смешливой, кокетливой девушкой. В молодости в ее внешности было что-то подкупающе искреннее и простодушное. Она была одной из тех стройных блондинок с огромными голубыми глазами, которым все говорили, что им нужно сниматься в кино. И вот после двух лет работы в береговой охране и короткого неудачного брака с женщиной по прозвищу Изи она уехала из Чикаго в Лос-Анджелес, город пустых обещаний, и с головой окунулась в кастинги, прослушивания и всевозможные мастер-классы.

Перечень штатов, в которых прошли детство и юность моего отца, Джозефа Луиса Крэнстона, был таким длинным, что я никогда не мог запомнить его целиком: в нем были и Иллинойс, и Техас, и Флорида, и Калифорния, и Нью-Йорк. В детстве я думал, что он родился в семье аферистов. С моей точки зрения, только люди, живущие вне закона, могли без конца переезжать с место на место, словно перекаати-поле. Поскольку моему отцу и его брату Эдди приходилось каждые несколько месяцев менять школы, мой дед научил их драться. Речь не шла об уличных драках – он отдал их в

боксерскую школу. Братья Крэнстоны оказались одаренными в этом смысле. Мой отец получил боксерскую стипендию в Университете Майами. Он дрался по всему Восточному побережью – как на ринге, так и вне его. Если верить моим ранним детским воспоминаниям, отец постоянно кого-то задира.

И уж что-что, а рассказывать истории он умел.

Молодой, голубоглазый, физически крепкий и умеющий постоять за себя, да еще талантливый рассказчик – неудивительно, что он пользовался успехом у девушек. Да и сам он был неравнодушен к женскому вниманию. В актерских школах часто случаются романы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что через пару лет мои отец и мать связали себя узами брака, обвенчавшись в маленькой церквушке на Колдуотер-Кэньон-авеню в Студио-Сити. Моя мать стала образцовой женой 1950-х – бросила все ради того, чтобы ее муж достиг поставленной цели, а именно – стал кинозвездой.

Родители купили скромный типовой дом и продолжили действовать в соответствии со сценарием. В 1953 году родился мой брат Ким, затем, в 1956-м, я и, наконец, в 1962-м, моя сестра Эми.

Мы жили в городке Канога-Парк, на Макналти-авеню, в одноэтажном доме под номером 8175. По расстоянию это совсем недалеко от Голливуда, но на самом деле – в другой вселенной. Мы были жителями Долины, которые если чем и славились, так это своим тягучим, немного гнусавым выго-

вором. Смена времен года в Долине почти не чувствовалась. В жаркое время года, когда уровень загрязненности воздуха был высоким, родители ограничивали пребывание детей на улице. Помню, мы играли в ангелов, лежа на спине в желтой высохшей траве и взмахивая руками, словно бабочки крыльями.

Моя мать работала в фирме «Эйвон», волонтером в Институте Брайля, была представителем компании «Таппервер», входила в родительскую группу поддержки детской бейсбольной лиги, в Ассоциацию родителей и учителей. Каждый год она своими руками шила нам костюмы для Хеллоуина.

Отец тренировал нашу детскую бейсбольную команду. Он обожал бейсбол. Я – тоже. И продолжаю любить его по сей день. Как-то раз, когда мне было четыре или пять лет, я с отцом побывал на матче «Доджерс». Тогда клуб переехал из Бруклина в Лос-Анджелес, но еще не имел своего стадиона. Поэтому «Доджерс» с 1958 по 1961 год играли домашние матчи на стадионе «Мемориал Колизеум». Он строился для проведения футбольных матчей и легкоатлетических соревнований, и его размеры и пропорции были не очень подходящими для бейсбола. С левой стороны поля забор стадиона надставили экраном, высота которого составляла сорок два фута. Даже ограждение под названием «Зеленый монстр» на знаменитом стадионе «Фенуэй-Парк» в Бостоне не превышает тридцати семи футов.

Помнится, игрок по прозвищу Уолли Мун², родившийся где-то среди хлопковых полей Арканзаса, умудрялся могучим ударом биты отправлять мяч почти вертикально вверх, так что он почти исчезал из виду и перелетал даже через высоченный экран. Когда это происходило, весь стадион ликовал. Это были чудесные моменты. Мне это казалось торжеством невозможного над возможным, как будто мяч в самом деле отправили прямиком на луну.

Даже после того как «Доджерс» в 1962 году переехали на собственный стадион, и даже после того как наша семья стала разваливаться, запах свежестриженной травы, голос комментирующего очередную игру Вина Скалли, доносящийся из динамика радиоприемника, вид бейсбольного поля – все это пробуждало в моей душе теплые чувства, дарило мне ощущение надежды.

Отец довольно часто брал нас с братом на съемки кинофильмов и телепередач, в которых был занят в качестве актера. Помню, однажды он очень удивил нас. Подведя нас с таинственным видом к трейлеру, который был прицеплен к нашей машине, он распахнул дверь, и мы увидели внутри... живого ослика! Я очень хорошо его помню. Его звали Том. Какое-то время отец держал ослика на нашем заднем дворе. Соседские мальчишки и девчонки приходили посмотреть на него, а заодно и на нем покататься. Он прожил у нас месяц или два. Потом отец его куда-то увез. Пока, Том! Рад был с

² Wall – стена, moon – луна (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

тобой познакомиться.

Иногда отец привозил домой военную форму, каски, значки и прочие армейские атрибуты. Мы с братом использовали их в своих играх. Позже я понял, что отец брал их ненадолго, а затем возвращал. Подобный инвентарь на киностудиях всегда на строгом учете. Но нам с братом все эти вещи доставили много радости.

Когда отец в редких случаях приносил домой со съемок оружие, мы с братом с удовольствием играли в войну. Все мальчишки в нашей округе в таких случаях сражались с немцами, японцами или индейцами. Мы не разбирались в истории и не понимали, почему они были нашими врагами. Просто так было принято, вот и все.

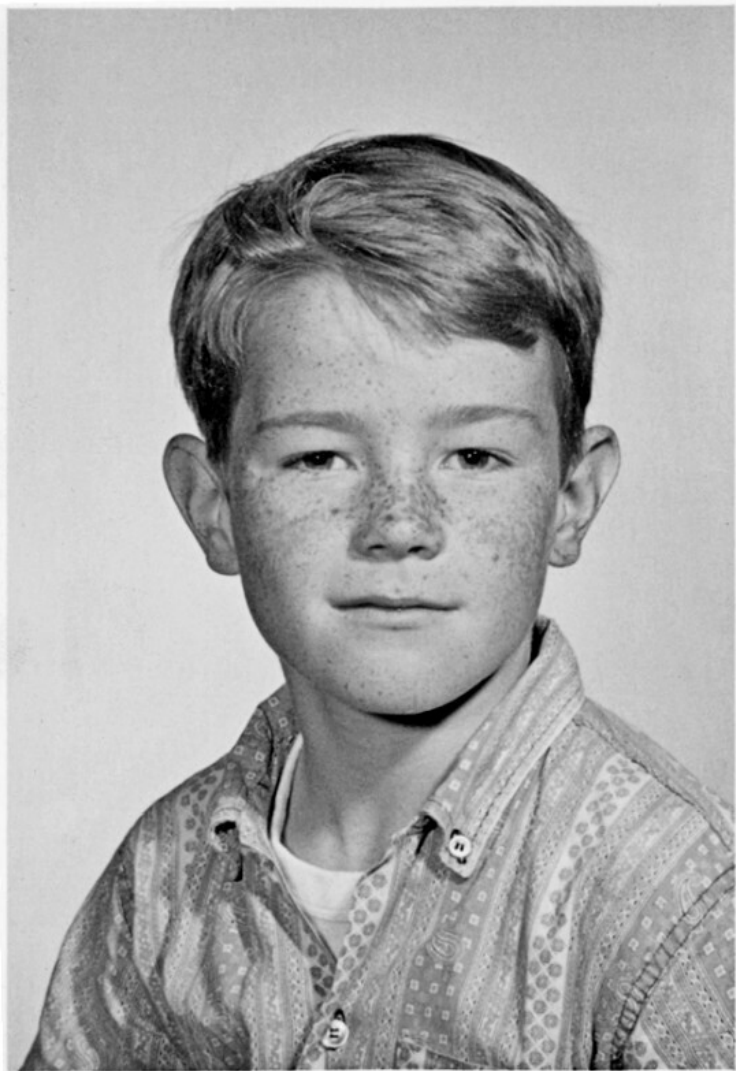
А потом однажды диктор телевидения сказал: «Мы прерываем свою программу, чтобы передать сообщение особой важности». В последующие годы всякий раз, когда такое случилось, я весь напрягался, как струна.

А тогда на экране возник хмурый и встревоженный Уолтер Кронкайт и сказал: «Мы получили срочное сообщение из Далласа, Техас. Судя по всему, это официальная информация. Президент Кеннеди умер сегодня в час дня по центральному времени США». Я помню, как Кронкайт снял очки. В этот момент он перестал быть бесстрастным журналистом. Эта маска исчезла, и он превратился в обычного человека, потрясенного неожиданным известием.

Помню, кто-то в комнате ахнул. Началась паника. Мама

плакала, обхватив себя руками так, словно ей было зябко. Потом она села на телефон, напрочь забыв о нас с братом. Взрослые с нетерпением ждали дальнейших новостей. Пришел отец. Вид у него был мрачный. Соседи, проходя мимо нашего дома, останавливались – людям необходимо было успокоить себя и других словами о том, что все будет хорошо. Не знаю, насколько я тогда понимал, что происходит, но я чувствовал, что это что-то очень серьезное и неприятное. Потом у нас появился новый президент, Линдон Джонсон. Он очень смешно говорил. Мне никогда раньше не приходилось слышать такого сильного тexasского акцента. И еще мне казалось, что у его жены очень странное имя.

Родители тогда выглядели очень подавленными. Мы, дети, впервые по-настоящему почувствовали, что в жизни есть страх, смерть и горе. Мы не знали, что нам делать, как себя вести. Кто-то из соседских детей сказал: «Мы больше не будем играть с оружием». И мы в самом деле перестали это делать, хотя оружие нам очень нравилось. Нам казалось, что этим демонстративным жестом мы можем как-то повлиять на происходящее в мире вокруг нас. Впрочем, это продолжалось недолго. Все понемногу успокоились, и жизнь вошла в нормальную колею. Правда, это была уже несколько другая, новая нормальная колея.

Фрэнк Джеймс, человек вне закона

В то время как я был довольно общительным ребенком, мой брат Ким несколько отличался от меня. Будучи довольно замкнутым, он превосходил меня в сообразительности, но уступал мне в физическом развитии. Однако практически во всем остальном мы очень походили друг на друга – братья в полном смысле этого слова. Мы оба были очень активными и деятельными. Ким стал моим первым режиссером. Он написал сценарий и поставил в студии «Макналти-авеню гараж продакшн» пьесу «Легенда о Фрэнке и Джесси Джеймсах». Я получил роль Фрэнка Джеймса. На роль Джесси мы решили взять одного из сыновей живущего по соседству семейства Барал. В этой семье было пятеро сыновей, и мой брат выбрал на роль жестокого преступника, находящегося вне закона, среднего, Говарда. Сам Ким сыграл шерифа, нескольких жертв преступлений и жителей городка, в котором происходило дело, а также следователя и журналиста. Не знаю, почему он не привлек к постановке кого-нибудь еще – в округе было полно ребят. Возможно, он запланировал для них роль зрителей и хотел, чтобы они заплатили какую-то мелочь за возможность посмотреть спектакль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.